

Любовь может победить страх

Жан Ванье отвечает на вопросы гостей из России. 25 октября 2013 г., Троли (Франция).

Вопрос: Как появилось имя «Ковчег»?

Жан Ванье: Имя появилось так: я обратился к Жаклин, которая была секретарем о. Тома Филиппа и очень много помогала нам в самом начале. Я попросил ее помочь мне найти имя для общины, и она пришла, наверное, с пятьюдесятью библейскими названиями. И когда она сказала: «Ковчег», — я сразу понял, что это то, что нужно. Она прочитала все названия, и я сказал: «Это "Ковчег"». Она ответила: «Да, я думаю, это должен

быть "Ковчег"». То есть мы оба поняли, что должно быть так. В самом деле, каково библейское значение Ковчега? Он был изобретен Богом, чтобы спасти людей от Потопа. А наш «Ковчег» помогает людям укрыться от потопа цивилизации, основанной на власти и силе. Вот так нам было дано название.

Вопрос: Как относятся жители Троли к «Ковчегу»?

Ж. В.: Вначале, когда это был только один маленький домик, к нам относились с очень большой симпатией, добротой. Люди давали мне еду, была одна пожилая женщина, которая каждую пятницу приносила и оставляла около наших дверей кастрюлю с супом. Потом меня попросили взять из одного большого приюта тридцать человек. До моего прихода туда это было очень закрытое учреждение, и я «открыл двери». Тогда мы купили еще один дом для этих людей. Я, видимо, был более внимателен к их нуждам, чем к нуждам жителей деревни. В 1971 г. они обратились с петицией против нас, требуя не разрешать больше покупку в Троли домов для инвалидов. А сейчас у нас превосходные отношения, большая дружба, жители деревни работают вместе с нами.

Вопрос: Какой момент или период был для Вас самым сложным за время жизни в «Ковчеге» ?

Ж. В.: Самый сложный момент был как раз тогда, когда мне передали сразу тридцать человек из приюта, а все его сотрудники, кроме двоих, ушли. Совет директоров попросил меня взять на себя ответственность, а я был один. Были еще эти два помощника и еще одна женщина, которая пришла помогать мне с финансами. Это был самый трудный период, много времени ушло на достижение мира. Пришло сразу много людей, прошедших через психиатрическую больницу. Я бы сказал, что это было долгое время страдания для меня и для других людей, было много насилия, пока мы не достигли мира и покоя. Были и другие трудные моменты. В конце декабря 1965 г., когда у нас еще был маленький дом в Валь-Флери, мы (двадцать человек) собрались на уикенд, чтобы поразмышлять о том, как нам работать дальше. Сначала я разделил всех на три группы, поставив во главе каждой психолога или священника, и попросил, чтобы все высказались о том, что хорошо и что плохо в организации нашей жизни. Я был поражен, когда выяснилось, что все считают нашу жизнь сумасшедшей, а я-то думал, что у нас все хорошо! Я тогда понял, что для того, чтобы жить вместе, надо приложить много усилий, слушая других, понимая их нужды. У нас был маленький совет, но я, скорее, командовал им, а не служил ему. Мне пришлось открыть для себя, что для того, чтобы быть лидером общины, нужно много слушать людей,

видеть, хорошо ли им, счастливы ли они, красиво ли организована их жизнь. Это был трудный, но хороший период. Нам иногда надо проходить через трудные моменты, чтобы найти решение.

Вопрос: Что такое огорчение, почему получается, что я иногда кого-то огорчаю?

Ж. В.: Это очень хороший вопрос. Может быть, когда мы огорчаем людей, это их проблема, а не моя? Я не знаю. Бывает, что мы огорчаем людей, потому что мы не делаем того, что они от нас хотят. Но возможно, что это и не очень хорошо, когда люди нам все время говорят, что мы должны делать. Я не вполне уверен, но я понимаю, что мы можем огорчать людей. У нас могут быть трудности в слушании, в думании, в говорении, в понимании, и могут быть люди, которые хотели бы, чтобы мы понимали их лучше, но мы не можем — и тем огорчаем их. Мы и сами себя огорчаем. Так или иначе, это хороший вопрос, и я не уверен, что у меня есть на него хороший ответ.

Вопрос: Как перестать бояться? Как сделать так, чтобы любовь победила страх?

Ж. В.: Опять хороший вопрос. Я бы хотел, чтобы на него был легкий ответ. Видите ли, некоторые из нас хрупкие, другие сильные, мы все такие разные, и страхи у нас разные. Если ребенок пережил смерть матери, когда ему было три года, то в нем поселился ужас, потому что смерть предстает как оставленность. Страх смерти у того, кто пережил смерть кого-то из близких в раннем возрасте, отличается от страха смерти у того, кто столкнулся со смертью позже. Важны источники страха, его причины. Первое, что можно делать со страхом, — это говорить о нем. Говорить с кем-нибудь мудрым. И если причиной страха является страдание, то разобраться, какое именно страдание. Если какая-то неудача, то почему она привела к страху. Об этом обо всем нужно разговаривать. Самая большая опасность страхов состоит в том, что мы о них молчим, мы их скрываем и продолжаем бояться. Я могу бояться насилия или своего собственного насилия, но об этом надо говорить. Не стыдиться своих страхов. Есть много разных типов и форм страхов. А как любовь может победить страх? Я думаю, что если на улице на меня залает большая собака, то я испугаюсь независимо от того, люблю я людей или нет. Я помню, как однажды мы приехали в Лондон и по дороге от вокзала должны были пройти через темное место. Я увидел, что к нам кто-то приближается, и испугался. Я сказал своему другу: «Пошли быстрее, что-то не так». И мы пошли быстрее. Так что страх — хорошее дело, он говорит нам: «будь осторожен, здесь опасно». Сейчас часто бывает сильный ветер, и если вы видите, как из-за него падает дерево, страх говорит: «Беги». У страха есть эта сторона — предупреждение. Не все страхи плохи, есть очень хорошие страхи. Но есть и плохие, они нас парализуют, не позволяют двигаться вперед. Я уже приводил слова Этти Хиллесум¹ о том, что люди так боялись немцев, что готовы были на все что угодно, лишь бы избежать смерти. Иногда нам нужно встать лицом к лицу с реальностью и принять, что смерть существует. Еще раз скажу, что есть множество разных форм страхов. Некоторые из них выполняют полезную функцию, сигнализируя о реальной опасности. В других случаях опасность может быть воображаемой. Так что это, возможно, еще один вопрос, на который я не знаю, как ответить.

¹ Этти Хиллесум (1914–1943) — молодая нидерландка, оставившая дневник, который вела в годы Второй мировой войны. Погибла в концлагере Освенцим.

Вопрос: Что такое «страх Господень»?

Ж. В.: У слова «страх» есть два значения. Одно из них — это священный страх. По-французски мы его называем словом "crainte", «трепет». Такой страх Божий, страх-трепет — это ощущение того, что Бог так велик, так прекрасен, что я подхожу к Нему со священным трепетом. Есть другой страх, не трепет, который говорит мне, чтобы я бежал прочь от Бога, как будто Он все время хочет мне навредить. Такой страх появляется, когда мы забываем, что наш Бог — Бог любящий, Бог нежный, Бог прощающий, Который открыл Себя нам в Иисусе Христе. Это внезапный страх перед огромностью Бога, Его силой, Его могуществом. Так было с Моисеем, когда в некоторые моменты на горе Бог, присутствие Божие проявлялось в громе, молнии, явлении Его силы. И Моисей испытывал страх перед Богом. Но есть и другое откровение: о Боге нежном. «Слово стало плотью». Это что-то совершенно особенное: «стало плотью». Бог уязвимый, Бог любящий, Бог настолько могущественный, что открывает Себя в немощи.

Вопрос: Современный мир живет в страхе перед возможными террористическими актами. Как можно помочь людям преодолевать эти страхи? Как помочь им преодолевать в себе агрессию по отношению к приезжим из Средней Азии, Кавказа и т. д.?

Ж. В.: На первый вопрос я хочу ответить примером нашей общины в Дамаске. Эта наша община живет в очень тяжелых, хрупких условиях. Там есть правительство Асада, очень сильного диктатора, против которого произошло восстание людей, угнетенных его тиранией. Недавно у нас была встреча с дамасской общиной в Бейруте, потому что путь из Дамаска в Бейрут был открыт. И член нашей общины Видад, которая, кстати, вчера уехала отсюда в Вифлеем, чтобы встретиться с общиной там, — Видад разговаривала с советом Дамасской общины. Они рассказывали ей о многом и в том числе сказали, в чем они видят миссию «Ковчега» в Дамаске. «Во-первых, — сказали они, — мы не должны окаменевать от страха. Когда люди испуганы, они закрываются. Посреди этих взрывов машин, ракетных залпов мы должны продолжать празднование жизни. Во-вторых, — сказали они, — мы должны быть не стенами, а окнами. Стены — это барьеры, окна дают свет, и мы должны приносить свет». А потом они сказали: «Окна хороши, но иногда они разбиваются». Недостаточно сказать людям, чтобы они не боялись, нужно найти способы справляться со страхом. Мы должны быть с ними вместе, искать вместе, работать вместе — с теми, кто захвачен страхом. Ваш первый вопрос напомнил мне о Дамаске и об общине там. Я разговаривал с Видад несколько дней назад о вифлеемской общине, и она сказала, что община принимает новых людей с ограниченными возможностями, потому что их родители убегают в Иорданию или Дамаск и не могут взять с собой детей. Что же делать? Атаки террористов... О Боже! Но нам нужно следить, чтобы страхи не управляли нами все время. Всегда опасно ехать в аэропорт на автомобиле. Там потом будет самолет, но авиакатастроф гораздо меньше, чем дорожных аварий. Но если всегда бояться аварий, то никогда не доберешься до самолета. Нам нужно думать о наших страхах. Чего мы боимся? Здесь люди боятся ехать в Париж, потому что там на них могут напасть. Я разговаривал с руководительницей нашей общины во Фрибурге, в Швейцарии. К ней однажды подошел человек с ножом и потребовал денег. Она посмотрела этому человеку в глаза и спросила: «А зачем ты хочешь денег?» И тот человек удивился этому вопросу. Она не проявила страха, хотя и была на самом деле испугана, но вопрос разрушил напряжение.

Давайте я вам расскажу одну историю о себе. Несколько лет назад в один из наших домов ворвался человек, и он пронзительно кричал. Наверное, он был под действием наркотиков. Мне сказали про это, и я пошел в этот дом. Но прежде, чем я вошел туда, я встретился с ним. Это был крупный человек, не такой высокий, как я, но гораздо более мускулистый. Мощный такой. И он сразу начал вопить: вот, у вас в «Ковчеге» есть ванные, а у меня в доме ванной нет, вы слишком богатые. Он, очевидно, был пьян или под кайфом, перевозбужден. Кто-то уже побежал звонить в полицию. Я встал прямо перед ним и посмотрел на него. Я был очень напуган, но не убежал. Я не мог двигаться, как жена Лота, обратившаяся в соляной столб. Я посмотрел на него и сказал: «Можешь меня ударить, если хочешь». Он ударил, и у меня выпал слуховой аппарат. Я взял его в руку и сказал: «Можешь ударить еще». И он протянул руку, пожал руку мне и пригласил пойти вместе попить апельсинового сока. И мы пошли пить сок. Что произошло? Я не знаю. Я знаю только, что я не мог убежать. Потому что если бы я побежал, то он погнался бы за мной, а он явно бегал быстрее, чем я. Так что лучше было стоять и смотреть ему в глаза и говорить: «Можешь ударить еще». Он был очень сконфужен, этот бедный человек. Да и мне апельсиновый сок не слишком помог. А вскоре подоспела полиция. Что важно: я был напуган, но не убежал, в этом разница. Так что иногда надо смотреть людям в глаза. А иногда надо убегать, потому что опасные ситуации бывают. Если бы я слишком боялся, я бы никогда не добрался до Парижа. Я бы никогда не сел в автомобиль. Так что я бы сказал: будьте внимательны, не делайте глупостей, не ходите туда, где опасно. Мы такие, какие есть, мы боимся. Но не всегда надо убегать.

Вопрос: Как справиться со страхом за близких?

Ж. В.: Я не вполне уверен, что верно понял, о чем этот вопрос. Возможно, речь идет о том, что я боюсь умереть, потому что не знаю, что будет с моим близким, когда я умру. Это хороший вопрос. Но при этом не надо быть, как те люди, с которыми я встречался в Люксембурге. На эту встречу пришли вполне молодые родители, у которых были пяти-шестилетние дети. И они говорили: «Что будет, когда мы умрем!?» Я им сказал: «Но вам всего по двадцать пять лет. Может быть, наоборот, вы их переживете. Не торопитесь бояться, подождите до соответствующего момента. Вот если вы доживете до моего возраста, до восьмидесяти пяти, то тогда можно потихоньку начинать беспокоиться. Но не тогда, когда вам двадцать пять».

Теперь второе. Общины «Вера и Свет» очень важны. Мы можем найти поддержку друг в друге. У нас нет всех ответов, никто не знает всех ответов, но не надо расстраиваться из-за того, с чем мы ничего не можем поделать. Может быть, позже Бог покажет решение, которого мы не видим сейчас. Я совершенно изумлен историей «Ковчеха» и «Веры и Света», так много в них происходило такого, что я никогда-никогда-никогда не мог ожидать. Так что нам нужно быть очень внимательными, чтобы не попасться в ловушку страха. Но также мы не имеем права заражать страхом своих детей, даже тогда, когда они уже большие, потому что, когда боятся родители, то страхом заражаются все вокруг них. Давайте радоваться жизни сегодня. Если мы все время беспокоимся о том, что может произойти завтра, то радость становится недостижимой. Радуйтесь сегодня. Не плачьте о завтрашнем дне. Будьте внимательны, будьте осторожны, делайте то, что вы можете, готовясь к завтрашнему дню, но не позволяйте захватить себя страху, как правило, воображаемому, страху перед тем, что может произойти.

Вопрос: Неужели несчастья и болезни от Бога?

Ж. В.: Бог необыкновенный. Он создал законы природы. Эти законы очень многообразны. Болезни приходят, потому что мы человеческие существа. У нас есть конкретные тела, в которых может быть болезнь. Так что болезни не от Бога, а от всей реальности природы. Если я порезался и возникла инфекция, то это не из-за Бога, а из-за того, что я порезался, когда брился. И то, что я заразился, — тоже не от Бога. Есть инфекции, есть болезни... Бог сотворил мир потрясающе хорошо. Потрясающе то, что мы рождаемся, чтобы жить, и мы рождаемся, чтобы умереть. Никто не знает своего дня и часа. Мне восемьдесят пять, но я не знаю, буду ли я жив через пять лет. Однако я знаю, что я рожден, чтобы расти, а потом становиться слабым. Это часть нашей человечности: мы сильные, но с возрастом становимся слабее. А потом мы умираем. В нашей человечности мы слабы, у нас есть слабости, и из-за этих слабостей мы можем попадать в несчастные случаи, в аварии, мы можем заболеть, и есть множество разных болезней. Но это не Бог сотворил эти конкретные болезни, и большинство из нас не знает, откуда они берутся и почему люди заболевают именно этими болезнями. Здесь еще нам многое предстоит открыть. Но все, что мы знаем, так это то, что мы слабые люди, что с возрастом мы будем становиться слабее и что мы умрем. Будет время, когда мы будем болеть, когда мы будем терять память, когда у нас будет болезнь Альцгеймера. Это — реальность человеческой жизни. На протяжении этих дней я пытался сказать вам, что слабость и болезнь — не обязательно зло. В моем доме в «Ковчеге» долгое время живет Жан-Франсуа. У него случился очень сильный инфаркт. Его взяли в больницу, и там сказали, что ему нужно сделать очень трудную операцию, в результате которой он, возможно, совсем не сможет разговаривать. Его брат решил, что операцию нужно делать. Он вернулся после операции и теперь передвигается в кресле-каталке, одна сторона тела у него парализована. Он может говорить, и с каждым днем все лучше. Но в этой его слабости люди помогают ему даже больше, чем раньше. Люди вынуждены кормить его или везти его кресло. Слабость делает нас менее автономными, и это помогает людям собраться вокруг для помощи. Я бы сказал, что с тех пор, как Жан-Франсуа вошел в это состояние немощи, в доме стало больше любви. Что-то изменилось. То есть мы можем сказать: да, он заболел, и нужно было принять решение об операции, операция была опасной, и она сделала его полупарализованным. Но он вернулся домой, и ему становится лучше, а всем в доме стало труднее, но во всем этом есть что-то о любви. Его слабость собирает людей. И вообще, наша слабость собирает нас вместе. Но слабость в одиночестве — что-то ужасающее.

Вопрос (от Левы): Когда будет мир между Россией и Грузией?

Ж. В.: Это хороший вопрос. Нужно его задать, с одной стороны — русским, а с другой — грузинам. И узнать, что думают грузины, а что — Путин. Это не обязательно война между Россией и Грузией, это может быть война между личностями политиков. Но вопрос хорош! Когда будет мир между Израилем и Палестиной? Когда будет мир в Руанде между хуту и тутси? Когда будет мир между Хорватией и Сербией? Когда люди в Чили пересекут линию, разделяющую богатых и бедных, чтобы мир смог прийти? Все, что мы в действительности можем спросить, это — как я сегодня могу быть вестником мира. Я не знаю ответа о Грузии и России, о Путине и людях в Грузии. Не могу знать. Но я могу знать, как я могу быть миротворцем. Не что *другие* могут делать, а что я могу делать. Как я могу лучше принимать людей такими, какие они есть? Я уже упоминал об опасности того, как культура

становится тюрьмой, а не источником. Вот то, над чем все мы можем работать: как каждый из нас может быть вестником мира?

Вопрос: Кто может быть ассистентом «Ковчега»? Какие требования предъявляются к ассистентам?

Ж. В.: Требования к ассистентам «Ковчега» (я буду говорить не специально о Франции, так как здесь в первую очередь нужна виза): если кто-то, кому больше восемнадцати лет, хочет стать ассистентом и напишет письмо в общину об этом своем желании, то мы напишем ему, чтобы он приехал. И тогда будет диалог: почему ты этого хочешь? И мы посмотрим, есть ли в его желании действительно забота о людях хрупких, о людях с нарушениями. И если мы увидим, что это желание подлинное, то мы предложим пожить в «Ковчеге» неделю, чтобы мы могли посмотреть, относится ли этот человек к людям по-доброму, с пониманием и состраданием. Если эта неделя проходит хорошо и все счастливы, тогда отношения продолжаются, будет дальнейший диалог, и человек, возможно, останется на год, или два, или десять. Если у него нет некоторой специальной подготовки, то при «Ковчеге» есть своего рода школа, где люди могут получить диплом, признаваемый государством. Так что мы приглашаем людей приходить к нам, и если у них оказываются способности к отношениям с людьми и к принятию определенного уровня ответственности, то мы поддерживаем их на этом пути. Конечно, в разных странах есть свои различия, связанные с государственными правилами. Во Франции нужна рабочая виза, то же самое в Канаде.

Вопрос: Что сказала Ваша мама, когда Вы ей сообщили о своем решении уйти из Военно-морских сил? И что сказал папа?

Ж. В.: Главная проблема была не при уходе оттуда, а при поступлении туда. Мне было тринадцать лет, и я сказал отцу, что хочу уйти служить на флот. Он задал мне много вопросов, он хотел понять, стоит за этим что-то серьезное или нет. А потом он сказал: «Я доверяю тебе. Раз ты этого хочешь — делай». Я не знаю, что произошло потом, когда папа пришел и рассказал это маме. Я думаю, что там была проблема... Но уход из флота не был проблемой. Потому что они знали, что я уйду, чтобы работать для Христа. Это было не уходом, а вхождением.

Вопрос: Какая у Вас любимая песня? Цвет? Время года?

Ж. В.: Не знаю... Мое любимое время года — это когда не очень холодно. Я люблю, когда становится теплее. Цвет?..

Вопрос (показывая на куртку Жана): Темно-синий?²

Ж. В.: Это очень удобная куртка. Я могу ее носить, когда тепло и когда холодно, когда я в Калькутте или где-то еще. У меня здесь есть карман для паспорта. Я не все время в ней, я иногда переодеваюсь. Но я обнаружил, что она очень удобная. Я могу быть в ней, когда разговариваю с важными людьми, и мне не нужно надевать галстук. Я нашел, что это хороший вариант одежды для жизни. Но это не потому, что она синяя. Но разве она синяя? По-моему, она фиолетовая... А, она была

² Все годы, что мы знаем Ж. Ванье, он одевается в одну и ту же (или очень похожие друг на друга) темно-синюю куртку.

синей раньше! А песня? Я однажды давал интервью для радио "France culture", это очень «культурное» радио, и меня спросили о моей любимой песне. Я сказал "Le canard"³ (напевает). На этом радио привыкли, что им говорят: «Моцарт», «Чайковский». А это что такое, «Канарейка»?! Но мы в нашем доме в «Ковчеге» танцуем под нее.

Вопрос: Занимались ли Вы своим физическим здоровьем?

Ж. В.: Когда я заболел в 1976 г. (у меня была кишечная инфекция), я пролежал в больнице два месяца, и, когда вышел из нее, то весил 69 килограмм (а до того во мне было 102 килограмма). Я знаю, что то, что со мной было в 1976 г., — это нехорошо. С тех пор мне стало значительно лучше.

Вопрос: Вторая часть этого же вопроса: считаете ли Вы физическое состояние людей с особыми возможностями необходимой составляющей их психического здоровья? Проводится ли для этого какая-то работа?

Ж. В.: Здесь у нас есть возможность держать постоянно в штате врача. В целом, о людях много заботятся. Если болит живот, надо с этим что-то делать. У нас есть врачи, есть кинезитерапевты⁴. Нельзя заниматься душой, не воздействуя также на тело, и нельзя лечить тело, не заботясь о душе. Человек — цельное существо, и нужно заботиться о всей личности. И я должен сказать, что наш доктор Одиль — она удивительная. И она всегда рядом. Конечно, кто-то еще проводит специальные исследования в клиниках. Так что здесь вправду много хорошего внимания к здоровью.

Вопрос: Расскажите про свою семью, как они относились к «Ковчегу»?

Ж. В.: Моя сестра — врач в области паллиативной медицины. Паллиативная медицина занимается помощью людям в их последние дни жизни. Моя сестра участвовала в создании Фонда паллиативной медицины. Она начала «Ковчег» в Англии. Она продолжала работать врачом, но часть своего времени посвящала «Ковчегу». Ей сейчас девяносто лет, и она живет в доме для престарелых у Малых сестер бедняков, в Англии. После смерти моего отца в 1967 г. моя мама жила в Монреале, а потом в 1972 г. приехала сюда и жила здесь до своей смерти в 1991 г. Она была удивительной. Она огорчалась, что ее сын недостаточно навещает ее, ей всегда этого было недостаточно. Но она очень любила свою жизнь здесь, она была очень привязана к одному из домов. Это был очень красивый опыт и для общины, и для нее. Еще один мой брат — монах в Канаде. Другой мой брат был художником, он умер. И еще есть младший брат, он живет в Монреале.

Вопрос (от Левы): Ваша любимая книга?

Ж. В.: Я думаю, что «Евангелие от Иоанна».

(Лева настаивает): А кроме Евангелия?

³ «Канарейка» — детская песенка, в России — «Танец маленьких утят».

⁴ Кинезитерапия (от *kinezio* (движение) + терапия (лечение)) — одна из форм лечебной физической культуры, когда за счет выполнения определенных упражнений лечебной гимнастики достигается терапевтический результат.

Ж. В.: Книга, которая трогает меня сейчас, это Этти Хиллесум⁵. Ее возрастание к Богу, ее любовь к людям и ее способность побеждать страх. Она говорит, что нам надо выкорчевывать из себя все семена ненависти, потому что если хотя бы какие-то из них останутся, миру будет плохо. Я очень многому научился от нее, особенно тому, как она обнаруживает любовь Божью.

Вопрос: Что Вы можете сказать о сегодняшних молодых людях, отличаются ли они от молодежи в прошлом? Я имею в виду молодежь вообще и тех молодых людей, которые приходят помогать людям с особыми возможностями.

Ж. В.: Я бы сказал, что произошли огромные изменения с 1960-х гг. То было время надежды, молодые люди могли найти работу, у них были деньги, они получили образование. Перед ними был выбор: стать успешным или стать унылым. Молодой человек мог пойти в хорошую школу, получить хорошее образование, чтобы получить хорошую работу. Сейчас около 25% молодых людей — безработные. У многих есть ощущение бессмысленности жизни. В 1960-е гг. был прогресс, воодушевление, полеты на Луну, наука... А сейчас... Так что я думаю, что изменения очень большие. Молодые люди, которые приходят сейчас в «Ковчег», приходят не потому, что считают, что это правильный жизненный путь, а потому, что испытали какое-то крушение. Это большая разница. В них гораздо больше внутренней боли. Гораздо больше семей распадается. Возможно, в России так было и раньше, но здесь это что-то новое. Люди, получившие хорошее католическое воспитание, разводятся. И здесь огромно влияние телевидения, порнографии. Люди растеряны в вопросах сексуальности. Но, кроме этого, как я вижу, есть изменения, исходящие из Церкви, дающие надежду, но это для небольшого количества людей. Так что изменения, несомненно, есть.

Вопрос: Мне в моей преподавательской деятельности часто приходится давать студентам задание написать сочинение. Обычные учебники предлагают темы для таких сочинений, вытекающие из общепринятого стиля жизни: это еда, карьера, информация, технологии... Не могли бы Вы посоветовать еще какие-то темы, важные для обдумывания молодыми людьми?

Ж. В.: Ну, например, такая: как вы думаете, наш мир становится более гуманным или менее? Здесь надо будет поразмышлять о том, что означает «человечность», о том, какие люди вас привлекают — не потому, что они компетентны в той или иной области, а потому, что они более человечны. И еще: что помогает человеку стать более человечным? Это созвучно вопросу о том, что делает человека личностью.

Перевод с английского
Андрея Черняка

⁵ An interrupted life: the diaries of Etty Hil-lesum, 1941–1943. NY, 1983.
Letters from Westerbork. NY, 1986.

Отрывки из дневника Э. Хиллесум на русском языке: <http://greenadine.livejournal.com/662803.html>,
<http://greenadine.livejournal.com/672961.html>.